

АНАСТАСИЯ
ЛОГИНОВА

ТАЙНЫ МАДАМ ДЮБУА

16+

Анастасия Логинова
Тайны мадам Дюбуа
Серия «Детективъ
минувших лет», книга 6
Серия «Лидия Тальянова.
Записки барышни», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66231424
SelfPub; 2022*

Аннотация

На пароходе в открытом море, в компании десятка незнакомцев легко почувствовать себя не в своей тарелке. Особенно, если ненавистный муж вдруг обнаруживается за бортом с твоим шарфом на шее, а вереница последующих смертей определенно указывает на твою причастность. Случайность? Вряд ли. Но кто станет следующим? И кто все это начал? Многие считают, что очаровательная Лили Дюбуа не очень-то похожа на убитую горем вдову. И они правы. У мадам Дюбуа еще немало тайн.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Анастасия Логинова

Тайны мадам Дюбуа

Пролог

1891 год, 3 июня,

23 часа 11 минут. Германская империя, резиденция французского дипломата в Берлине Жана-Пьера Дюбуа

Ох уж эти поздние визиты... Хотя бы раз звонок в дверь после десяти часов вечера принес с собою что-то хорошее. Письмо от доброго друга. Посылку с цветами или сладостями. Да хотя бы простой заблудший путник постучался бы, чтоб справиться, как выйти на Унтер-ден-Линден, чтобы сесть в конку – я была бы лишь рада помочь!

Но не с моим счастьем, разумеется.

Софи и малютка Андре мирно спали в кроватках, горничная Кристина давно ушла домой, а кухарка фрау Кремер и вовсе взяла нынче выходной – собиралась поехать к сестре. Я же, как бывало часто, засиделась со словарями: не могла позволить себе лечь спать, покуда не переведу с немецкого на французский все двадцать три страницы – обязательную норму, что я сама для себя установила.

Однако все это имело значение до злосчастного звонка в дверь. С ним все мысли вылетели из моей головы, заставив

внутренне сжаться и судорожно перебирать в уме варианты, кто бы это мог быть.

Супруг две недели назад покинул Берлин по служебным надобностям, которые у местных властей могут вызвать вопросы – еще и оттого мне было не по себе.

И снова звонок....

Я заставила себя собраться. Вложила карандаш, как закладку, меж страниц словаря, намереваясь вернуться к нему минутой позже, стянула со спинки стула шаль и накинула на плечи. Поторопилась в переднюю, чтобы открыть. Однако уже на лестнице услышала звенящий от возмущения голос Бланш, нашей няни, беседующей с незнакомцами.

И незнакомцы эти мне не понравились сей же час, как только я их увидела.

Было их четверо человек, ворвавшихся в нашу крохотную переднюю, оставивших следы грязи на новом ковре.

– Фрау Дюбуа, полагаю? – спросил один из них, грубо оттолкнув к стене бедняжку Бланш, ему препятствующую.

Этот, очевидно, был главным – высокий светловолосый немец с военной выправкой, одетый, тем не менее, в штатское. На вид, должно быть, около тридцати пяти. Тонкие губы, сложенные в обманчивой полуулыбке, и бесцветные внимательные глаза на сухом вытянутом, как у англичан, лице.

Я плотнее запахнула шаль и пыталась сохранить самообладание.

– Мадам Дюбуа, – веско поправила я. – Мой муж – фран-

цузский дипломат, и нынче он в отъезде. Что здесь происходит?

Тонкие губы искривились в еще более мерзкой улыбке:

– Нам отлично известно кто вы, мадам Дюбуа, и кто ваш муж. У нас приказ, извольте подчиниться.

Он помахал в воздухе бумажкой, но в руки ее дать и не подумал. Только велел безотлагательным тоном:

– Собирайтесь немедленно, можете взять с собою два чемодана. Да сами оденьтесь потеплее: прохладное в этом году выдалось лето, а дорога нам предстоит неблизкая.

Сказать, что испугалась – это ничего не сказать. Мне казалось, сердце сейчас выскочит из груди! Тем удивительнее, почему мой голос звучал неожиданно твердо:

– Вы не имеете права нас трогать! Мы французские подданные. Сомневаюсь, что ваше начальство, кем бы оно ни было, хочет проблем с Парижем!

И, теряя всякую надежду, ахнула, когда один из незнакомцев – низенький, рыжий, с неаккуратными обвисшими усами – вдруг отодвинул полу сюртука. Под ним в полутьме прихожей блеснула рукоять револьвера. Бланш вскрикнула и закрыла руками рот. А рыжий тип, злорадно осклабившись, вынул револьвер и медленно поднялся ко мне по лестнице.

Я тяжело сглотнула, когда ледяное дуло револьвера уперлось в мою шею, чуть выше ключицы.

– Плевать мы хотели на твой Париж, куколка, – вкрадчиво произнес рыжий мне на ухо.

Блондин его не остановил. Спросил только:

– Есть еще кто в доме?

– Никого, – громче, чем следовало, ответила я.

И мысленно молила Софи проснуться и спрятаться с малышом хотя бы под кровать... Я учила ее этому, много раз объясняла, что делать, если случится что-то подобное – но она еще так мала!

Блондин мне не поверил.

Мотнул головой, отдавая приказ рыжему, и сердце мое ухнуло вниз, когда, убрав револьвер, тот хмыкнул и скоро взбежал по лестнице.

– Не надо! – теряя самообладание, вскрикнула я. – Там мои дети. Они совсем малы, старшей девочке всего пять лет. Умоляю, не троньте их – я поеду с вами куда скажете... Пускай дети останутся с Бланш, прошу вас!

– Бланш Перье? – вкрадчиво спросил блондин, в упор разглядывая девушку. – Боюсь, это невозможно: фройляйн Бланш придется поехать с нами. Тем более что вы будете слишком заняты, мадам Дюбуа, чтобы присматривать за детьми.

Девушка дрожала всем телом, судорожно оглядываясь то на меня, то на блондина. А я до сих пор не верила, что все это происходит на самом деле.

– Нет, нет... Бланш здесь совершенно не при чем, позвольте ей и детям остаться!

– Не при чем? – развеселился мой визави. – А своей вины,

выходит, вы не отрицаете?

– За мной нет никакой вины... – без сил, но твердо ответила я.

И, пожалуй, только теперь поняла, что к своим переводам я не смогу вернуться ни сегодня, ни завтра.

Глава 1

4 июня, 08 часа 43 минуты,

Германская империя, лиман Унтерварнов, Росток

Пароход уходил из Ростока, портового города на северо-востоке Германской империи. Уходил в Петербург. Наверное, мне стоило радоваться: не об этом ли я мечтала все шесть лет в изгнании? Что муж заслужит прощение на Родине, и что нам позволят вернуться. Мечтала, что мои дети будут расти в том же городе, где росла я; смогут свободно, без страха вызвать лишние вопросы, говорить на русском языке и, главное, носить свою настоящую фамилию.

Да, именно об этом я мечтала.

Так почему же, глядя на медленно отдаляющуюся пристань чужого города, я совершенно не могла сдержать слез. Расчувствовалась настолько, что, в конце концов, на меня обратил внимание один из членов экипажа:

– У вас все хорошо, мадам?

– Да-да, – слишком поспешно отозвалась я, чем насторожила его еще больше. – Просто соринка в глаз попала... ветер.

А, между прочим, судя по нашивкам, то был совсем не рядовой член экипажа, а один из помощников командира корабля. Я тотчас отругала себя. Нельзя привлекать внимание! Что я себе позволяю вообще?!

– Все хорошо, уверяю вас, капитан...

– Обер-лейтенант цур зее¹ Герман Вальц, – представился тот с галантным почти светским поклоном. – Если не ошибаюсь, мадам Дюбуа? Первая каюта?

Я изумленно приподняла брови:

– У вас прекрасная память.

– Профессиональная, – мягко улыбнулся он. – Проводить вас?

– Не стоит. Я еще подышала бы морским воздухом.

– Что ж, не буду вам мешать в таком случае. Однако я всегда к вашим услугам, ежели что-то понадобится.

– Благодарю, вы так добры...

– Что угодно, – веско добавил тот. – Даже если это просто носовой платок.

Я невольно улыбнулась. Впервые подняла глаза, чтобы посмотреть ему в лицо. Господин обер-лейтенант оказался весьма хорош собою – лет тридцати пяти, высок, темноволос и черноглаз. В общем, настолько в моем вкусе, что я смутилась.

Однако более обмениваться любезностями с красавцем-лейтенантом не пришлось: еще до того, как опустить глаза, я услышала по-кошачьи мягкие шаги за своей спиной. А мгновением позже властная ладонь придержала меня за локоть.

– О, это внушает доверие, когда члены экипажа поименно

¹ Дословный перевод «старший лейтенант на море» (прим.)

знают своих пассажиров. Представьте меня вашему новому другу, любовь моя?

С его бы тонким слухом романсы по нотам разбирать. Я обозлилась, правда в этот раз больше на себя, чем на него. И конечно оставалась любезной:

– Рада, что вы присоединились к нам, дорогой: я уж было подумала, вас одолела морская болезнь. Обер-лейтенант Вальц – месье Дюбуа, мой супруг, – представила я мужчин друг дружке.

Все втроем мы говорили на немецком: у моих собеседников он был на высоте, что не удивительно. Смею надеяться, и я не ударила в грязь лицом. Как-никак именно переводами с немецкого на французский (обычно художественной литературы) я и занималась последние шесть лет. А кроме того неплохо говорила на английском. И на русском, конечно же, хотя о том предпочитала не распространяться.

Мужчины светски раскланялись, а обер-лейтенант вновь заставил подивиться своей осведомленности:

– Месье Дюбуа – французский дипломат в Берлине, – он уважительно склонил голову, – наслышан о вас, разумеется. Полюбопытствовал бы, что привело вас на «Ундину», но боюсь, как бы ваше ведомство в ответ не заинтересовалось моей скромной персоной.

Мужчины поулыбались милой шутке, вымучено изобразила любезность и я. После чего обер-лейтенант Вальц все же выпросил позволения проводить нас по палубе.

– Не удивляйтесь моей осведомленности, месье Дюбуа, – объяснился все-таки он. – «Ундина» – огромный лайнер вместимостью почти семьсот пассажиров, однако нынешним летом маршрут не пользуется большой популярностью. На борту, видите ли, всего сто четырнадцать пассажиров. А в первом классе из них и вовсе шестеро. Кроме вас – аптекарь из Гамбурга с семьей, делец из Северо-Американских соединенных штатов и одна популярная артистка из Франции, ваша землячка.

Я попыталась отстать, изо всех сил надеясь, что обо мне забудут. Любая беседа давалась мне сейчас нелегко, и я предпочла бы прогуляться в одиночестве. Тем более посмотреть было на что: пароход огромный, британской постройки – с многоярусными палубами, множеством гостиных, убранных с несвойственной немцам пышностью, с обеденными залами, рестораном, библиотекой и даже, кажется, парной.

А над машинным отделением, самым сердцем парохода, то ли для большего света внизу, то ли для любопытства пассажиров построили стеклянный куполообразный витраж поперек всей палубы. Что детвора, что господа в возрасте наблюдали за работой механизмов с большим интересом. Перестав слушать мужчин, и я надолго увлеклась разворачивающимся внизу действием: подобных размеров двигатель я видела впервые и, надо сказать, слаженная, гладкая работа такого гиганта, что приводила в жизнь гиганта еще большего – весь пароход – завораживал не меньше, чем буйство волн

за бортом.

– Вижу ваш интерес, мадам: это и есть паровая машина, – снова настиг меня обер-лейтенант. – В топку мы забрасываем уголь, и он нагревает котлы с водою. А после двигатель преобразует напор водяного пара в возвратно-поступательное движение поршня, который, в свою очередь, вращает вал и гребные винты. Благодаря этому мы и держимся на плаву. Вы уже наблюдали гребные винты вблизи, мадам Дюбуа?

Господин обер-лейтенант наклонился ко мне, чтобы я хоть что-то расслышала из-за шума этой самой паровой машины. А я подумала, странно, что, учась в Смольном, у меня и мысли не было влюбиться в нашего преподавателя естественных наук. Двигатели, паровые машины, поршни... мое сердце точно немного сбилось с ритма, пока я слушала эту занимательную историю.

Впрочем, скорее всего дело в мундире морского офицера, который так славно сидел на подтянутой фигуре обер-лейтенанта Вальца.

В любом случае, прыжки моего сердца мне не понравились. Я нахмурилась, чуточку отстранилась и собралась уже ответить вежливо и прохладно – но за меня это сделал мой не очень-то воспитанный супруг:

– Мы хотели бы, конечно, поглядеть на это ваше техническое чудо, но позже, – сказал он с плохо скрытым раздражением. – Полагаю, сейчас мадам Дюбуа устала и хотела бы присесть.

– Мадам Дюбуа вполне может ответить за себя сама, мой дорогой, – отозвалась я. Сохранять любезную улыбку становилось все труднее.

– Не сомневаюсь, любовь моя, что можете. Но я всего лишь предугадываю каждое ваше желание, как и обещал когда-то.

Я бросила на него колючий взгляд. Но промолчала. Оберлейтенант же продолжал оставаться душкой:

– Я провожу вас ко входу в первый класс, – кашлянул он, невзначай встав между мной и супругом. Я была не против.

– Стало быть, о пассажирах второго класса и третьего вы осведомлены не так хорошо, господин Вальц? – поинтересовался мой супруг, продолжив начатый без меня разговор.

Тот развел руками:

– Увы. Однако если вам захочется познакомиться ближе с пассажирами второго класса, вам достаточно выйти в общую гостиную – она соединена лестницей с гостиной первого класса. Ваши стюарды, Коль или Нойман, непременно впустят вас обратно. Как и приглашенных вами гостей, разумеется.

– Недурно, недурно... – пробормотал мой супруг. – Прогулочная палуба, как я понимаю, тоже общая? Первому классу не уединиться?

В его голосе было больше искреннего интереса, чем недовольства сим фактом, однако я все равно сочла вопрос грубым. Поторопилась заметить:

– Тем лучше. Как-никак нам пять суток добираться до Санкт-Петербурга. Я только «за» веселую и разнообразную компанию в путешествии.

– Шесть суток, – поправил Вальц, – если учесть, что паром на некоторое время остановится в порту Гельсингфорса² и совсем ненадолго в Кронштадте. Что касается прогулочной палубы, месье Дюбуа, вы всегда можете уединиться на верхнем ярусе, куда вход доступен лишь пассажирам первого класса.

Супруга моего замечание не смутило, он вновь одобрительно кивнул. Обер-лейтенант Вальц же тем временем поглядел на часы – не обычные на цепочке, а наручные, с кожаным браслетом, какие носят военные – и откланялся:

– Прошу простить, я должен присутствовать на мостике в двенадцать ноль-ноль. Мадам, месье...

Мы оба с месье Дюбуа проводили его долгим тяжелым взглядом.

– К чему вы устроили этот спектакль? – спросила я. – Будто не хотите встречаться с пассажирами второго и третьего класса. Создаете амплуа сноба-аристократа?

– Всегда мечтал быть снобом-аристократом, – одними губами улыбнулся мой супруг. – Кроме того, меня насторожил этот Вальц: слишком любопытен. И к вам прицепился ни с того ни с сего.

² Прежнее название города Хельсинки, столица Великого княжества Финляндского, входившего в Российскую империю до 1918 г.

– Пароход только покинул порт, все офицеры на мостике, а у него есть время прогуливаться по палубе и предлагать дамам платки, – невольно поддержала я. Помолчала и добавила: – признаюсь, сперва даже подумала, будто он из вашего ведомства.

– Обер-лейтенант на Балтийском флоте? Не говорите глупостей, Лили, – отмахнулся тот.

Я спорить не стала.

– Что ж, если я говорю глупости, разрешите мне спуститься в каюту. Видимо, я и правда устала.

– О нет, моя дорогая, спуститесь после ужина. А отдохнуть вы вполне можете на палубе. Во-о-он на тех шезлонгах. Мне было бы приятно, если б время вы здесь провели... как вы только что сказали – в веселой и разнообразной компании? Так что вперед.

Я снова не сдержалась. В носу защипало, а голос предательски дрогнул:

– Прощу... я не видела детей с момента отплытия.

– Лили, дорогая, не делайте из меня монстра, – поморщился тот и легонько встряхнул меня за плечи. – Крошки Софи и Андре, уверен, прекрасно проводят время с няней. Хотите, и я тотчас к ним спущусь, чтобы убедиться, что все хорошо? А вы отдыхайте, моя дорогая. Отдыхайте и, главное, улыбайтесь. Ну?! – он встряхнул меня за плечи сильнее.

Я плотно сомкнула веки, приказывая себе успокоиться. Все когда-нибудь кончается, кончится и это. А когда кон-

чится... ох, с каким же удовольствием я залеплю пощечину по этой наглой, самодовольной физиономии! Или даже воспользуюсь чем-то потяжелее, чем собственная ладонь. С удовольствием!

– Вы хотите, чтобы я сдружилась с пассажирами второго класса? – спросила я уже без слез.

– Именно. Вон та дама, к примеру – она вашего возраста, стоит в одиночестве и явно скучает. Начните с нее. А к вечеру, уверен, вы уже покорите весь пароход. С вашим-то обаянием, любовь моя.

Будто издеваясь, он напоследок подмигнул мне. И развернувшись, бодро спустился по лестнице вниз, туда, где были гостиные и пассажирские каюты.

Увы, свободной я себя и теперь не чувствовала. Чуть повернув голову влево, я увидела первого из его подельников, что стоял, облокотившись на перила над машинным залом, но смотрел не вниз, а точно на меня. Второй смолил папиросу, опершись плечом на спасательную шлюпку, и тоже не сводил с меня глаз. Третий как всегда держался шагах в десяти позади: безмолвной тенью он следовал за мной всюду.

Хотя бы немного поддерживало лишь осознание, что обер-лейтенант Вальц в это же самое время был где-то поблизости и не упускал меня из виду ни на минуту. Я не знала этого точно – но смела надеяться...

Потому как кроме своего мужа мне более надеяться не на кого. Настоящего мужа, разумеется, а не месье Дюбуа.

Глава 2

Последнее и заставило меня взять себя в руки. Я выдохнула и нерешительно двинулась к ограждениям палубы, где, тяжело опершись на перила, стояла та самая дама, на которую мне указал супруг. А мгновением позже прибавила шаг, все-таки обеспокоившись: дама, скорее даже барышня, не скучала – ее мучило.

– Господи, вам нехорошо?! Один момент, я принесу воды...

С водой помог стюард, господин Коль. Он же предложил спуститься в гостиную, где, по ощущениям, качало чуточку меньше, но новая знакомая решительно отказалась:

– Нет уж. Здесь хотя бы есть чем дышать, а внизу от духоты у меня немедленно начинается мигрень.

Стакан с водой она осушила с большой охотой, после чего ее лицо хоть немного начало менять оттенок с землистого на розовый. Дама оказалась миловидной особой лет двадцати пяти, кареглазой, с русыми модно подвитыми локонами под шляпкой, чуть сбившейся на бок и украшенной поникшими перьями. Да и в целом ее наряд – модный и продуманный до отплытия – теперь производил впечатление потрепанного жизнью и ветром.

– Ненавижу пароходы, – пробормотала, наконец, она. – И почти так же ненавижу тех, кого на них не укачивает.

Говорила она по-немецки, но не очень складно: чувствовалось, что язык ей не родной.

– Зачем же взяли билет на пароход, ежели знаете, что вас укачивает?

Шатко стоя на палубе, приложив к губам белоснежный платочек, дама одними глазами указала на верхнюю палубу. Ту самую, куда доступ открыт только господам, плывущим первым классом. На шезлонге там возлежала дама в белом воздушном одеянии и широкополой шляпке с алой подкладкой. Она как раз собиралась прикурить, поднеся к губам неоправданно длинный мундштук, а трое мужчин (собственно, все, кто был рядом) чуть не подрались за право поднести ей спичку.

– Ваша матушка? – опрометчиво предположила я.

Чем новую знакомую развеселила:

– Вы ей так не скажите – наживете себе врага. Это Жанна Гроссо. Неужто не узнали?

– Французская актриса? – я не вспомнила, но догадалась, сопоставив факты. – Простите, я француженка, но уже много лет не была в Париже и совершенно не слежу за театральными новинками.

– Француженка?!

Дама вздохнула с облегчением и даже просияла. Тотчас перешла на французский, на котором говорила хорошо и бегло. Хотя по-прежнему чувствовался в ее речи легкий акцент, происхождение которого я угадать не могла как ни ста-

ралась.

– Так и думала, что вы француженка! Представьте, страдаю здесь уже не меньше получаса, а эти добропорядочные бюргеры, делают вид, что не замечают. Терпеть не могу немцев. А что касается театра, то вы не много потеряли: театр нынче превратился черте во что. Жанна и та подумывает уйти из профессии. – Она спохватилась и по-мужски протянула мне руку: – мисс Ева Райс, секретарь Жанны.

– Лили Дюбуа, я занимаюсь переводами, – представилась я и деликатно заметила, не в силах побороть любопытство: – полагаю, и вы не немка?

– Я ирландка, – вскидывая подбородок, заявила дама. – Мои родители скончались от туберкулеза, когда мне было восемь – с тех пор меня воспитывала тетка, выскочившая замуж за немца. Скрягами они были отменными. В семнадцать я сбежала от них с парнишкой, который обещал на мне жениться, как только доберемся до Парижа. А в Париже чуть не продал меня в бордель. Спасибо Жанне, вытащила. Пристроила меня сперва служанкой, потом камеристкой. А с прошлого года я веду ее бухгалтерию да оправдываюсь перед директором «Комеди Франсез»³, когда она болеет или просто ленится выходить на сцену.

– О... – молвила я, понятия не имея, что отвечать на подобные откровения незнакомых людей.

А Ева, глянув на меня искоса, хохотнула:

³ Популярный театр во Франции, Париж

– Ох уж эти французы: опомниться не успеешь, как выболтаешь им все что нужно и не нужно!

– Я, должно быть, слишком много вопросов задаю...

– Нет-нет, я рада с вами поболтать. Вы уж заметили, наверное, что женское общество здесь ограничено: либо Жанна, либо ее креолка – бессловесная тень, либо фрау Кох, жена аптекаря. А с нею разговор получается еще короче, чем с креолкой.

– Креолкой?

– Это чернокожая служанка, Жанна нашла ее еще до нашего знакомства, где-то в Новом Орлеане, пока гастролировала. Теперь всюду таскает за собой. Вы верите в черную магию?

– Не особо.

– Вот и я не верила... но, клянусь, эта креолка знает все и обо всех! Она угадала мое имя и день рождения, когда мы впервые встретились. Только глазами своими посмотрела – черными, как сама преисподняя – и хоп! Брр, до сих мурашки по коже... А впрочем, увидите: Жанна просто обожает всю эту чушь и непременно потребует устроить сеанс.

Я скептически пожала плечами. И искоса взглянула на Еву: она мне нравилась, пожалуй. Да, грубовата и резковата, наивна кое в чем. Зато глядит в самую суть и все подмечает. А словоохотливостью своей напоминала о моей институтской подруге, которую я не видела уже тысячу лет. Словом, супруг мой не прогадал, когда потребовал познакомиться-

ся первым делом с нею.

Супруг...

Настроение снова ухнуло в самую бездну тоски. Даже жаль, что я себе не могу позволить быть такой же откровенной, как Ева, потому как выговориться, порой, ох как хотелось...

Обе мы невольно замолчали, поскольку мимо, чинно, едва ли не маршем прошли четверо: аптекарь Кох с супругой и двумя детьми, мальчиком и девочкой. Мальчику, наверное, лет семь, а девочке – пять. Ровесница Софи.

Семейство аптекаря я проводила взглядом столь жадным и обреченным, что Ева с ее наблюдательностью того не заметить не могла.

– Вы замужем? – прямо спросила она.

Я кивнула, опуская взгляд.

– Напрасно. Для женщины выйти замуж – все равно, что добровольно продаться в рабство, – фыркнула Ева. А я улыбнулась, но возражать не стала. Она же спохватилась: – Нет, вы не подумайте, я люблю мужчин: вся эта новомодная женская любовь – мерзость на мой взгляд. Фу! Хотя, и мужчины нынче такие, что душатся и пудрятся больше барышень...

– Возможно, вам стоит обратить внимание на мужчин, которые не так часто посещают «Комеди Франсез».

Взгляд мой против воли снова стал искать обер-лейтенанта Вальца.

– Возможно... – вяло согласилась Ева. – А впрочем, опла-

чивая счета Жанны, я каждый раз прихожу к выводу, что замужество – самая худшая идея, которая может прийти в голову самостоятельной женщине.

– Разве мадам Гроссо замужем? – удивилась я, наблюдая, как вокруг актрисы все еще выются мужчины. Даже аптекарь Кох, этот добропорядочный бюргер, едва шею не вывернул, заглядываясь на верхнюю палубу. Его жена делала вид, что ничего не замечает.

А Ева хмыкнула:

– Нет, в данный момент Жанна не замужем. Насколько мне известно, по крайней мере.

* * *

4 июня, 12 часов 02 минуты

Балтика, территориальные воды Германской империи

Пароход наш был построен в Британии и спущен на воду в 1888 году под названием «Галлантик», означающим, очевидно «галантный», «бравый», «величавый». Строился по пассажирского лайнера и предназначался для рейсов в Индию. Держался на воде исключительно благодаря паровой турбине, а парусного оснащения не подразумевал вовсе – благодаря чему слыл одним из самых передовых судов в мире. И, наверное, поэтому оброс мифами и легендами еще до первого плавания. Газетчики прозвали пароход невезучим. Писали о десятках рабочих, погибших при постройке и – к сожалению, это было правдой – главный конструктор его, британский инженер Мартин Уолтер Коллинз, скончался при

странных обстоятельствах за пару дней до спуска парохода на воду. Согласно легендам, дух его и теперь бродит по витиеватым переходам машинного отделения...

Леденящую душу эту историю поведал нам господин, с которым мисс Ева Райс познакомилась незадолго до ужина, и с которым поспешила познакомить меня:

– Мишель Муратов. Потомок русского графского рода, – на отличном французском отрекомендовался господин, делая при этом ударение на последнее «о» в своей фамилии.

Я, не буду скрывать, чуточку испугалась и притихла. Слава богу, собеседники мои слишком были увлечены беседой, чтобы это заметить.

– «Галлант» долго ремонтировали, – говорил месье Муратов о корабле, – вкладывали огромные деньги, однако через год вдруг продали судоходной компании «Северогерманский Ллойд», где и переименовали в «Ундину». Собственно, в 1889, когда «Ундину» снова спустили на воду, и началась ее вторая жизнь.

– Именно с тех пор здесь видят призрака инженера Коллинза? – приподняв бровь, поинтересовалась Ева.

– Так говорят.

– Я в это не верю, – решительно заявила Ева. – Склоняюсь даже к мысли, что вы это выдумали. Не считаю вас лжецом, но вы, писатели, любите сочинить что-нибудь эдакое!

– Вы писатель, месье Муратов? – изумилась я. А впрочем, он не первый русский аристократ, развлекающийся пи-

сательством. Так что ничего удивительного. – О чем же ваши рассказы?

И тот действительно принялся рассказывать долго и подробно – впрочем, без излишнего занудства. И постепенно я успокоилась. Ежели сей господин и русский, то родился и жил, наверняка, за пределами Российской Империи. Это не редкость. О том говорило не только всякое отсутствие акцента, но и манера держать себя, и даже то, как он произносил собственное имя. О том, что русских принято называть по отчеству он будто не знал и вовсе. Лет ему, нужно думать, было чуть меньше тридцати.

Если что и подсказывало о русском происхождении месье Муратова, то лишь типичная славянская внешность: средний рост, крепкое телосложение, открытое лицо с голубыми глазами и шевелюра со светлыми вихрастыми кудрями, которые задорно трепал ветер. Нос у месье Муратова был вздернутым и чуть-чуть смотрел в бок, что портило его репутацию русского аристократа, зато подсказывало, что жизнь он знает, и рассказы его, быть может, не дурны.

– Я, видите ли, пишу авантюрные истории о молодом человеке, который снимает тесную квартирку на Риволи в Париже, а на жизнь зарабатывает тем, что расследует особенно запутанные преступления.

– Это прелестно, – саркастично заметила Ева. – Готова поспорить, что квартиру он снимает на пару с молодым же доктором, ветераном войны?

Явный намек на популярные произведения мистера Конана Дойла не произвел должного впечатления на месье Муратова. Он улыбнулся, прищурился и любезно ответил:

– Редакторы крайне рекомендовали мне именно так написать, ибо подобные сюжеты теперь отлично продаются. Но нет. Моему герою в расследованиях будет помогать прелестная молодая особа. Шотландка или ирландка, пока не решил.

– О, – темные глаза Евы с интересом блеснули, – и как же будут звать эту молодую особу?

– Увидим... – пожал плечами Муратов и вдруг повернулся ко мне: – позвольте узнать ваше имя, мадемуазель?

Глаза Евы снова блеснули, уже недобро. Она была уязвлена – это ничего не сказать. Но ссориться с новой знакомой и подыгрывать этому субъекту я, конечно, не собиралась:

– Джанин, – не моргнув глазом, соврала я. – Джанин Уитсон.

– Вас действительно зовут Джанин Уитсон? – насторожился Муратов.

– Может быть. В любом случае, мое имя не подойдет для вашего рассказа.

– Бросьте, Лили, пускай месье Муратов берет ваше имя – уверяю, мне все равно.

Ева вскинула подбородок и горделиво отвернулась к морю. Месье Муратов не поспешил ее успокоить.

– Так значит, Лили? – снова обернулся он ко мне и сделал немудреный перевод: – как цветок?

– Как цветок, – согласилась я. – Мой муж тоже так говорит.

– Ваш муж? О... – месье Муратов сконфузился и даже отступил на шагок. – Не знал, прошу простить. Вы путешествуете вместе?

Я вымученно улыбнулась:

– Месье Дюбуа едет в Санкт-Петербург по... рабочим вопросам. Он дипломат. – И постаралась сменить тему: – полагаю, вы возвращаетесь домой из путешествия?

– Путешествие мое было длиною в жизнь, – поэтично ответил месье Муратов. – Родился я в имении под *Ярославль*, но мне и года не исполнилось, как *папенька* и *маменька* увезли меня с собою в путешествие сперва по Европе, потом и по Америке. Позже я оставил моих дорогих родителей, чтобы выучиться на юриста, но... писательское ремесло захватило меня, и жизнь моя пошла по наклонной, – он саркастично развел руками. – Я прочно обосновался в Париже, писал рассказы, работал в некоторых журналах – небольших, едва ли вы о них слышали. По правде сказать, жил я весьма скромно и уж давно позабыл о своих корнях – когда получил весть, что в том самом имении под *Ярославль* умер мой родной дядюшка. Умер, увы, бездетным. И, представьте себе, оставил свое состояние не кому-то, а мне.

– И велико ли то состояние? – впервые заинтересовалась нашим разговором Ева.

Месье Муратов скромно пожал плечами:

– Признаться, пока не знаю. Поверенный моего дядюшки разыскал меня в Париже и ехать советовал немедленно. Он говорил, кажется, о двух поместьях, особняке *в Москва* и... назвал некую сумму на счете в банке – но она была *в рубль*, а я, признаться, так и не понял, сколько это во франках...

Я смотрела на месье Муратова со смесью скепсиса и интереса. Если он говорил правду, то, похоже, сам не понимает, насколько скоро станет богат.

– Вы планируете остаться в России? – спросила я, чтобы хоть что-то спросить.

Тот снова пожал плечами:

– Пока что не думал об этом. Так или иначе, в Париже меня ничего не держит: из журнала я уволился, родители почтили много лет назад, а жениться, к несчастью, я так и не успел.

Произнося последнее, месье Муратов скользнул взглядом по лицу Евы. А та, давно уж перестав обижаться, глядела на него задумчиво и накручивала на палец выпавший из прически локон.

* * *

4 июня, 19 часов 30 минут

Балтика, территориальные воды Германской империи

За ужином, что проходил в ресторане с нетипичным для немецкого заведения названием «Берлинская звезда», удалось познакомиться и с другими пассажирами «Ундины».

Ресторан представлял собой пышно убранную залу – не отличишь от любого, самого высокочеловеческого ресторана в

Берлине. Разве что вместо окон узкие иллюминаторы, да и те нарочно были закрыты кадками с буйно-цветущими растениями. На стенах – пейзажи в массивных золоченых рамах, под потолком тяжелая бронзовая люстра с электрическими рожками. Она угрожающе покачивалась прямо над нашим столом, отчего-то заставляя меня нервничать.

У ресторана имелось два симметричных выхода – к лестницам, что вели на прогулочную палубу и в курительный салон. Между выходами расположился бар с хрусталем, который нестройно звенел при каждом крене парохода, и возвышенность с небольшим оркестром. В центре же – несколько столов, покрытых белоснежными скатертями и превосходно сервированных.

– Вы не находите странным, господа, что на пароходе, плывущим из Германии в Россию, так мало немцев и совсем нет русских?

Вопрос прозвучал из-за соседнего столика, впрочем, обращен был ко всем присутствующим. Я, признаться, тоже размышляла об этом, потому не замедлила оглянуться на спросившего. Это был господин, назвавшийся мистером Макгроу, как знала я уже от Евы. Делец, хозяин мыловаренного завода из Северо-Американских соединенных штатов. Но выглядел он совершенно не так, как я себе представляла: не многим старше тридцати пяти, высок, подтянут и широкоплеч. Не очень-то похож на дельца... А впрочем, об американских дельцах я почти ничего не знала.

К тому же, как ни был бы мистер Макгроу приятен на вид, его полностью затмевала дама, подле которой он сидел. Утонченная шатенка, одетая с истинно парижским шиком – в вызывающе-алом бархатном платье и с собольей накидкой на открытых плечах. В отставленной руке она держала длинный мундштук, благодаря которому последние сомнения в ее личности и отпали. Жанна Гроссо, ведущая актриса театра «Комеди Франсез», собственной персоной. Макгроу говорил на грубом американизированном английском, но французенка-актриса, судя по всему, отлично его понимала.

Что забавно, понял его и месье Муратов, которого, как и Еву, я пригласила нынче поужинать со мной и моим супругом.

– Позвольте, я как раз таки русский! – простодушно поправил американца Муратов.

Месье Дюбуа, к слову, английского не знал, и, наклонившись ко мне, немедленно потребовал перевести. А мистер Макгроу, услышав реплику молодого литератора, поправиться и не думал, а возразил:

– Позвольте, милейший, какой же вы русский, ежели совсем не знаете их языка?

Жестокая правда заставила месье Муратова даже порозоветь в щеках.

– Да, но... знаете ли, в начале века многие русские аристократы совсем не говорили на родном языке. Да что там, даже сам Пушкин порой не мог русскими словами выразить свою

мысль! Вы будете утверждать, что и Пушкин не русский?

– Пушкин, как и эти ваши прочие аристократы начала века, хотя бы жили в России – в отличие от вас, господин Муратов, – продолжал насмешничать американец. И вдруг разошелся окончательно: – да я и то больше русский чем вы, ибо уже дважды побывал по деловым вопросам в этой дикой стране.

Последнее было совсем уж лишним... Мне это стоило усилий, но, смерив американца холодным взглядом, я все-таки смолчала.

А вот мадам Гроссо, актриса, хмыкнула с явной неприязнью:

– Фу, не будьте так вульгарны, милый Рональд.

Вступился за Россию, к моему удивлению, и аптекарь Кох, ужинающий с женою за третьим столиком:

– Не могу с вами согласиться, господин Макгроу. Я тоже имел удовольствие бывать в России не раз и не два, и вовсе никакой особенной дикости не заметил. Их столица ничуть не хуже столицы любого другого европейского государства. Не говоря уж о Нью-Йорке.

– Вы бывали в Нью-Йорке? – не обидевшись, поинтересовался Макгроу.

– Бывал, – степенно согласился тот. – Мы с моей Гретой большие любители путешествовать.

Фрау Грета Кох сухо и без эмоций ему кивнула, соглашаясь.

– Что ж, не буду спорить насчет их столицы, – смилостивился Макгроу. – Однако ежели выехать за пределы ее, уверяю, вы решите, будто попали в средневековую деревушку, причем самую захолустную. Вся беда в том, господа, что территории России слишком велики. Поймите правильно, я люблю русских, они отличные ребята! Но содержать в порядке столь огромные территории они явно не способны. Жаль, что упорно не хотят этого признавать.

С этим Кох спорить не стал. Похмыкали, соглашаясь, и прочие пассажиры, даже Ева улыбнулась краешком губ и с превосходством поглядела на Муратова.

Окинув взглядом их всех, проигнорировав месье Дюбуа, снова требующего перевода, я жестом отослала стюарда, желающего подлить мне еще шампанского, и негромко заметила:

– Мне всегда было интересно, мистер Макгроу, что прочие народы раздражает больше: обширные российские территории, или то, что русские способны эти территории защитить?

– Мадам Дюбуа, если не ошибаюсь? – Макгроу недобро прищурился, хотя поклонился мне весьма светски.

Я с вежливой улыбкой кивнула в ответ.

– Ваше замечание достаточно смелое, мадам Дюбуа. Особенно учитывая, что в последний раз русские защищали свои территории как раз от Наполеона. А впрочем, мне странно, что столь хорошенькую женщину вовсе беспокоят

вопросы политики.

– Я далека от политики, уверяю вас. Мой муж, месье Дюбуа – дипломат, как вам наверняка уже известно, но я лишь скромная переводчица. Хотя и слышала, что именно сейчас отношения Парижа и Петербурга близки как никогда.

– Вы о том, что Россия и Франция якобы готовятся к переговорам? – снова заговорила мадам Гроссо. И отмахнулась: – уверена, это журналистская утка.

– Пожалуй, и я не верю, что эти страны способны договориться, – согласился аптекарь Кох. – Франция – президентская республика, а Россия – монархия, которая как огня боится, как бы ни случилось с нею того, что уже случилось с Францией. Слишком много разногласий для успешных переговоров!

Зато мистер Макгроу неожиданно меня поддержал:

– Но мадам Дюбуа права. Сей союз выгоден обеим державам, так что весьма вероятно, что он состоится.

– Скорее ад замерзнет, – разозлился почему-то немец Кох. – Еще Бисмарк говорил, что Россия и марсельеза⁴ не совместимы!

Фрау Кох поглядела на мужа с молчаливым осуждением, и тот стих. Да и я решила не продолжать спор более – тем более что своего я добилась. Мадам Гроссо явно выделила ме-

⁴ Гимн Французской Республики. «Марсельеза» олицетворяет борьбу с тиранией, стремление к свободе, в 19 веке становится песней революционеров всего мира

ня среди прочих, а когда ужин кончился, остановилась ненадолго у нашего столика и любезно предложила:

– Мадам Дюбуа, месье, буду весьма рада видеть вас в своих апартаментах в любое время. Мы, французы, должны держаться вместе. Ева, и вы с вашим новым другом непременно заглядывайте...

– Мишель Муратов, литератор, – поспешил отрекомендоваться тот.

Мадам Гроссо хмыкнула на это с загадочной улыбкой. Ничего не ответила и, оставив руку с мундштуком, прошествовала к выходу в компании все того же мистера Макгроу, которого называла исключительно по имени – Рональд.

Глава 3

4 июня, 20 часов 15 минут

Балтика, территориальные воды Германской империи

Окончания ужина я и ждала, и боялась одновременно. Да, я, наконец, увижу детей, но после мне придется остаться с месье Дюбуа наедине, и я совершенно не надеялась, что он станет вести себя как джентльмен...

А впрочем, все после, после – сначала дети. Никто уже меня не удерживал, и я скорее спустилась в каюту, пока месье Дюбуа вышел с мужчинами в курительный салон.

Апартаменты первого класса состояли из просторной гостиной в имперском стиле – с затянутыми зеленым шелком стенами, отделкой из мореного дуба, тонконогим журнальным столиком со стульями, двумя диванами в гарнитур к ним и огромным зеркалом над каминной полкой. Из гостиной вели узкие, утопленные в стены двери – в личную уборную, личную же прогулочную палубу, общий коридор, первую спальную и, чуть меньшую по размерам, вторую. Именно оттуда с радостным воплем бросилась мне на шею Софи, едва я вошла.

– Мама! Наконец-то, мамочка, я так соскучилась!

– Хорошая моя... – я опустилась рядом на колени и крепко обняла дочь, уткнулась лицом в ее пышные черные кудри. – Как хорошо, что ты еще не спишь.

– Почему? Мы уходим, мамочка?! – просияла Софи, будто только этого и ждала. – Мне бежать одеваться?

– Нет... – протянула я невесело, – просто мне очень хотелось тебя увидеть. Тебе не страшно здесь?

– Нет, мамочка. Бланш сказала, что я уже взрослая и не должна бояться. Когда придет папа?

Слава всем богам, мне не пришлось отвечать: из спальни вышла Бланш, наша няня, девушка двадцати трех лет. Мы наняли ее еще в Париже, едва родилась Софи – и с тех пор не разлучались. Если я кому-то и могла верить на этом пароходе, то только ей. Ей и доверила самое дорогое, что есть у меня.

– Я только что уложила Андре... – негромко молвила девушка. – Прикажете разбудить снова?

– Нет, не нужно, – понижая голос, ответила я.

Андре – совсем еще малыш, ему только год и семь месяцев. Вряд ли он понимал, что происходит, и уж точно не нужно нарушать его режим, ради моей прихоти.

Отпустив Софи, я тихонько прошла в спальную, маленькую комнату с двумя узкими кроватями. На одной Бланш как раз и устроила малыша, который теперь сладко посапывал, хмурясь каким-то своим сном и шлепая пухлыми губками. Я осторожно опустилась на краешек кровати и легонько коснулась его волос. До чего же Андре похож на мужа... еще более похож, чем Софи. Оба мои ребенка были темноволосые и смуглые – в отца, но у Андре еще и глаза такие же черные,

как два крохотных уголька. А Софи пошла в мою родню, и глаза у нее ярко-синие, еще ярче, чем у меня самой.

Встав, я открепила шляпку и бросила ее в кресло, стянула дорожный жакет (мне даже переодеться перед ужином не позволили) и снова поманила к себе дочку.

– Укладывайся спать, моя хорошая. А папа скоро придет, обязательно придет.

Бланш уже переодела Софи в ночную сорочку и даже успела разобрать постель, так что девочка нехотя забралась под одеяло.

– Когда я проснусь, он уже придет? – с надеждой спросила она.

Был большой соблазн солгать во благо, но я давным-давно решила для себя, что лгать своим детям не буду.

– Нет. Не так скоро, – улыбнулась я через силу. – Папа много работает, ты ведь знаешь. Расскажи, чем ты занималась сегодня?

Устроившись на мягкой, ничуть не хуже нашей домашней, постели, Софи уселась по-турецки и с готовностью принялась рассказывать:

– Днем Бланш нашла для меня бумагу и краски, так что я рисовала наш дом в Париже. Там так хорошо было, мамочка. Так жаль, что нам пришлось уехать! А потом я читала Андре сказку Шарля Перро – про Золушку. Это моя любимая сказка, мамочка! Золушка такая красивая и такая добрая. Только я все не пойму, как же она танцевала на балу в хрусталь-

ных башмачках? Это же не удобно! Я спросила Бланш, но она проплакала весь день, и так ничего и не объяснила про хрустальные башмачки...

Я украдкой подняла взгляд на няню. Девушка понуро стояла у дверей, а глаза ее и правда были красными и припухшими.

– Ложись спать, малышка, – я потянулась и поцеловала ее в лоб. – Мне нужно поговорить с Бланш, а потом я тоже лягу. Завтра у нас тяжелый день, так что нужно быть отдохнувшими.

Малышка спорить не стала – натянула одеяло до самого носа и прикрыла глаза. Хотя сомневаюсь, что в самом деле собиралась спать: девочка моя не так проста.

Но мне действительно нужно было поговорить с Бланш. Я попросила ее выйти – приглушила свет в спальне и плотно закрыла дверь.

В гостиной я первым делом нажала на кнопку вызова:

– Вы, должно быть, голодны, Бланш, я закажу ужин в номер...

– Я ужинала с детьми: месье... этот месье – он заказал нам еды. Индейку под клюквенным соусом и гарнир из зеленого горошка. А детям еще мороженого на десерт.

– Хорошо, – сдалась я.

И снова поглядела на Бланш. Девушка смотрела в сторону, а пальцами нервно теребила кружево на платье. Бланш была модницей и кокеткой – ее форменные платья от мо-

их отличались, пожалуй, только наличием передника. Шляпки ее и жакеты всегда подбирались с большим вкусом, а любимым чтением были модные журналы. В Париже, я знала, остался ее жених, паренек на пару лет старше, но оба они решили повременить со свадьбой, чтобы заработать себе на достойное будущее. А теперь Бланш ехала черт знает куда и отлично понимала, что все ее будущее отныне под большим вопросом.

– Бланш... – Я сделала шаг к ней и тронула за руку, стараясь поймать взгляд. – Вы сможете когда-нибудь простить меня за то, что я втянула вас в эту историю?

По щеке девушки немедленно скатилась слеза, и она стерла ее тыльной стороной ладони. Отвернула лицо. Через силу произнесла:

– Я люблю ваших детей и должна быть с ними. Что уж теперь говорить и искать виноватого.

Я кивнула и горячо пообещала:

– Спасибо вам, что вы рядом, Бланш – я этого не забуду. И, разумеется, возмещу все... неудобства, когда мы выберемся. А если пожелаете, то найду вам хорошее место в другом доме, поспокойнее.

Губы у девушки дрогнули, и она не сдержалась:

– Когда мы выберемся?... Вы в самом деле полагаете, что мы выберемся?! – всхлипнув, девушка снова отерла слезы и гордо вскинула подбородок. – Мне нужно идти, мадам, Дюбуа. Этот месье... он сказал, что нанял для меня номер во

втором классе. Я пойду, если вы позволите.

– Да, конечно, – вздохнула я.

Характер у Бланш не самый покладистый для няни. Скорее даже, она была решительной, умной и амбициозной девушкой с большими планами на жизнь. Потому я ее любила и ценила. И потому же знала: она меня, разумеется, поймет, но едва ли простит.

Без сил я упала в ближайшее кресло и закрыла глаза...

Но тотчас меня вернул в реальность настойчивый стук в дверь каюты.

* * *

3 июня, 23 часа 55 минут

Германская империя, резиденция французского дипломата в Берлине Жана-Пьера Дюбуа

Меньше суток назад меня точно так же взбудоражил поздний визит...

Ночь, когда четверо незнакомцев ворвались в наш дом, стала безумной и суматошной. Мне велели разбудить детей (Софи сладко спала и даже ругани нашей не слышала), под пристальным взглядом рыжего мы с Бланш одели их, поминутно успокаивая и твердя, что это ненадолго. Собрали чемоданы, переоделись сами.

Когда я будто бы невзначай переставила горшок с азалией со стола на подоконник, блондин молча вернул его обратно. Когда Бланш, неловко повернувшись, разбила фарфоровую куклу Софи, блондин хладнокровно велел собрать осколки.

Правда он так и не смог ничего поделывать с тем, что, вдохновившись примером Бланш, я «споткнулась» на крыльце и таки разбила садового гнома возле нашего заборчика.

– Шутить вздумали, мадам Дюбуа?! – рассвирепел блондин.

Но мы были уже на улице, в тихом районе Берлина – лишний шум непременно привлек бы внимание соседей. Думаю, только это меня и спасло. Выругавшись по-немецки, блондин велел собрать осколки глиняного гнома – ярко-красного и приметного – и избавиться от них.

Сигнал я оставила не для мужа. Он и так догадается, что случилось, когда вернется и не найдет никого в доме. Да и когда он еще вернется... Сигнал был для милого старичка-итальянца, что нанимал жилье в доме наискось от нашего. Муж доверял ему и имел уговор как раз на такой вот случай. Старичок не вмешается, конечно, но должен телеграфировать куда следует о том, что произошло.

Благодаря этому лишь я и верила, что дело наше не безнадежно.

А впрочем... такое своевременное отсутствие в доме горничной и кухарки говорило о многом. Я и на Бланш глядела бы уже косо – но девушка была напугана куда больше меня.

После мы долго ехали в крытом экипаже на север – далеко за пределы Берлина. Я то и дело задавала наводящие вопросы, пытаюсь выяснить, сколь много знает обо мне блондин, и пришла к выводу, что все же знает он не так много. Имя

и то выяснил лишь благодаря документам, что прихватил из дома, и с тех пор обращался запросто – Лили. Но все же был учтив до известной степени. Грубостей и вольностей не позволял, а с Софи и Андре разговаривал ласково, как добрый дядюшка. Подкупал простенькими подарками и старался завоевать их доверие.

В экипаже, уже на подъезде к Ростоку, случился меж нами и этот разговор:

– Досадно, мадам Дюбуа, что ни одной фотокарточки вашего супруга я так и не нашел... однако смею надеяться, что я на него хоть немного похож, и вы быстро привыкните называть меня мужем.

Документы на имя супруга – надеюсь, что поддельные – блондин продемонстрировал мне минутой раньше, но я весьма смутно догадывалась, к чему он клонит.

– Чего вы добиваетесь? – спросила я прямо. – И зачем вам я?

Помолчав, взвесив «за» и «против» блондин ответил и, я думаю, был искренен хотя бы отчасти:

– Видите ли, моему ведомству стало известно, что у месье Дюбуа кое с кем встреча на пароходе, что сегодня утром отплывает в Санкт-Петербург. Встреча, которая ставит под угрозу безопасность великой Германской империи. Мне всего лишь нужно выяснить, с кем именно он встречается – вот и все. Ну а вы... некоторые мои коллеги уверены, что вы прекрасно осведомлены об этой встрече. А некоторые даже по-

лагают, будто вы знаете больше мужа. По крайней мере, ваша переписка с Парижем куда активнее, чем его.

– Я перевожу для парижских журналов... переписываюсь с простыми редакторами, и только... – сбивчиво ответила я, а блондин это и не опровергал:

– И я то же самое твержу своим коллегам! Вы мне безмерно симпатичны, мадам Дюбуа, и как женщина, и как мать. А потому, раз вам нечего скрывать, считайте это путешествие простой увеселительной прогулкой. Ну когда еще вам удастся побывать в Санкт-Петербурге? Отдыхайте, дышите морским воздухом знакомьтесь с новыми людьми. И делайте все, что я прикажу... ежели не хотите, чтобы с малютками Софи и Андре случилось что-то неприятное.

– Я поняла вас, – ответила я. Не смиряясь, но теперь четко понимая, с кем имею дело.

Разговор действительно прояснил все, и иллюзий уже не оставлял. Это не ошибка, не недоразумение. Случилось то, чего я все эти годы и боялась, и от того, как я поведу себя на пароходе, зависят жизни моих детей.

Доверять немцу всецело я не собиралась, конечно. А надеяться смела только на себя и собственную смекалку.

– Как мне обращаться к вам? – преувеличенно бодро спросила я.

– А как вы обращались к супругу? – улыбнулся блондин.

– Жан-Пьер – так его звали... зовут.

– Так и обращайтесь! – развел руками тот. – И можете

говорить по-французски, я неплохо знаю ваш язык.

На подъезде к морскому порту, блондин отобрал у меня Андре – якобы мне тяжело держать сына на руках – и усадил себе на колени. Софи велел сесть рядом. Подлец прекрасно понимал, что, покуда дети при нем, на побег я не решусь, даже будь у меня такая возможность.

А возможность была.

Трое его подельников ехали в другом экипаже, следом. Да и когда сошли мы в Росток, держались поодаль. А после, как взошли на борт, побег и вовсе не имел больше смысла. Куда убежишь с парохода?

* * *

4 июня, 21 часов 45 минут

Балтика, территориальные воды Германской империи

В дверь каюты постучали второй раз, уже настойчивей. Решив, что едва ли мой самозванный муж отличается подобным тактом, я подошла и открыла.

– Фрукты для мадам Дюбуа, – сообщил стюард, вкатывая сервированный столик на колесах. За его спиной, в коридоре, маячил тот самый «рыжий».

– Благодарю, – прохладно отозвалась я и закрыла дверь точно перед носом рыжего.

Согласилась посмотреть детское меню на завтра, уточнила что стюарда, нас обслуживающего, зовут Бьорн Нойман, и что, ежели что-то понадобится, я могу вызвать его, нажав кнопку сонетки в гостиной комнате. С тем он ушел.

Никаких фруктов я совершенно точно не заказывала, да и Бланш явно не до того. Но гадать пришлось не долго: ваза с фруктами прижимала к скатерти записку в плотном конверте, в которой значилось, что все это – презент обер-лейтенанта цур зее Германа Вальца.

Я все еще была в некотором замешательстве, когда дверь резко и без стука отворилась и едва ли не с криком «а-ха!» в каюту ворвался мой фальшивый муж.

– Кто это прислал? – мгновенно вспыхнул он. – Вы ведь ничего не заказывали, Лили, мне прекрасно это известно!

– Ревность вам не к лицу, месье Дюбуа, – хмыкнула я, утомленно роняя записку на столик. – И притворите дверь в каюту – дети спят.

На просьбу мою блондин не отреагировал, напротив, распахнул двери шире и махнул рукой, призывая всю свою банду. А после они учинили самый настоящий обыск: короткую записку разобрали чуть ли не по слогам, уверенные, что это шифр, пощупали каждый фрукт, потрясли вазу. Сдернули скатерть с сервировочного столика и – вдруг нашли под ним еще одну записку.

На французском на сей раз.

– От кого это? – вскричал блондин. – С кем вы успели снюхаться на пароходе? Отвечайте немедленно!

– Я... я не знаю, ей-богу! – искреннее ответила я. – Это какая-то ошибка наверняка. Что там написано?

Но блондин, не позволив мне и тронуть этот клочок бу-

маги, хмуро пробежал текст глазами. Потом посуровел еще более и с сомнением взглянул на меня:

– Этот тип зовет вас на свидание. Нынче в полночь, на верхней палубе в кормовой части. Желает показать вам гребные винты, – издевательские выговорил он.

– Это уловка, дураку понятно! – не сдержался рыжий. – С лейтенантишкой у них встреча – он и есть химик! Нужно в оборот его брать!

– Заткнись! – рявкнул блондин, явно жалея, что оговорку про химика слышала я.

А я стояла, ни жива ни мертва. Конечно, это не просто свидание – это именно что уловка. И это был бы мой единственный шанс спастись, прочти я записку вовремя или хоть догадайся скрыть ее от лишних глаз.

Впрочем, через мгновение я подумала и о худшем развитии сценария...

– Что же вы стоите, Лили? Бегите, прихорашивайтесь – нынче у вас свидание.

– Я не пойду туда... – слабо возразила я.

– Пойдете, милая, пойдете. Или этот Вальц дороже вам, чем собственные дети?

Глава 4

4 июня, 23 часа 53 минуты, Балтика, открытое море

Стоял июнь, самое начало, и вечер был бесконечно долгим. С небом, усеянным перьями облаков, и оранжевым солнцем, все никак не спускающимся за горизонт. В Петербурге сейчас и вовсе начались белые ночи, и оранжевый вечер там совершенно незаметно перетекает в пыльное розовое утро. Уж я-то знала.

Но сейчас, хоть мы и вышли давно в открытое Балтийское море, пока что находились в широтах датского Копенгагена. Вот-вот должны были поравняться с островом, который, судя по туристическому проспекту, назывался Борнхольм. Вдали уже мрачно высились над морем серые скалы, и алел полосатый маяк.

Несмотря на поздний час, немало пассажиров высыпало на палубу. Правда все они толпились в носовой части, стараясь лучше разглядеть Борнхольм – на корме же не было почти никого, кроме притаившейся в тени мужской фигуры, в которой я угадывала черты обер-лейтенанта Вальца.

Я робко оглянулась: по-прежнему за мной следили, не упуская из виду ни на минуту. А на полпути к Вальцу, под козырьком, укрывающим вход в третий класс, невидимый Вальцу стоял мой фальшивый муж. В опущенной его руке мутно поблескивал револьвер... Он глядел на меня тяжело

и безотрывно, и весь вид его так и кричал: «Выкинешь что-то – пожалеешь». Я верила. А потому медленно, будто с трудом переставляя ноги, но шла. Мечтала, чтобы Вальц увидел скорее мое страдальческое лицо и понял бы все сам. Скрылся, сбежал, сделал бы что угодно! Потому как, если его схватят сейчас – и моя участь будет предрешена.

Но он не двигался. Вот я уже четко видела его лицо, угрюмый взгляд, напряженность во всей фигуре. Но почему же, черт возьми, он не двигался?!

Так сосредоточенная на его лице, я не сразу отметила легкую возню – как раз там, под козырьком у входа в третий класс. Раздался звук глухого удара. Мой фальшивый муж, слабо дернул руками, будто пытаюсь взлететь, и, словно мешок с картошкой, повалился на руки стоявшему позади него неприметному господину. Тот ловко придержал его под мышки, аккуратно вынул из руки револьвер, и споро утащил бессознательное тело куда-то в темноту...

И в тот же миг, не успела я повернуть головы, позади слышался еще один глухой вскрик – и никто больше за мной не следил.

Потому я уже совладала с собой, когда боковая дверь совсем рядом распахнулась, и в тесной темной подсобке я увидела своего мужа. Настоящего мужа. Ничему уже не удивляясь, спокойно вошла внутрь.

– Ненавижу тебя... – сказала я горько и без сил.

Потом, неожиданно для себя самой, прильнула к нему и

крепко прижалась к его груди, уткнулась лицом в плечо. Тут же почувствовала, как и он меня обнимает, прижимая еще теснее. Зарывается руками в мои волосы и нежно целует.

Было не время и не место, и голова должна бы быть занята иным. Но сопротивляться себе было слишком трудно, и я поцеловала его в ответ. Легонько погладила его щеку и улыбнулась в темноте, видя только любимые черные глаза.

Муж отстранился сам:

– Безумно по тебе соскучился, – выдохнул он мне в ухо. – Жесточайшая оказалась мука видеть тебя весь день – и видеть с другим. Вот уж точно мой персональный ад. Верно, если ты однажды бросишь меня, я сделаюсь маньяком и жизни тебе не дам...

– Поверь, и я едва сдерживалась, чтобы не подойти к тебе и не залепить пощечину.

– За что? – не без иронии осведомился он.

– За все!

Я действительно был зла, хоть толком и не могла высказать причины. Очевидно лишь одно – и сама я, и наши дети, и бедняжка Бланш оказались здесь по его вине.

Не без усилий я разомкнула кольцо его рук и решила быть серьезной:

– Так это все правда? У тебя действительно встреча на этом пароходе, которая, – я процитировала, – ставит под угрозу безопасность Германии?

Муж прищурился, поглядел на меня с сомнением. Шесть

лет брака – достаточный срок, чтобы изучить повадки второй половины, так что теперь уж стало очевидно: моими словами он удивлен.

– Этот немец так сказал? – уточнил муж. – Слово в слово?

Лицо его тоже сделалось серьезным, брови так знакомо и сурово сошлись над переносицей. Он снова взял меня за плечи, потребовал:

– Посмотри на меня! Ты помнишь, как я обещал тебе, как клялся, что скрывать от тебя более ничего не буду?! Что сперва ты и дети. Всегда! Лишь после вас все остальное – и долг, и честь. После тебя. Помнишь?

Конечно, я помнила. Кивнула, уже себя виня за прежнее недоверие. Спросила:

– Так что здесь происходит?

– Не знаю пока что... Но я уехал за тем же, за чем и говорил тебе: в Кронштадт, поглядеть, как расследуют убийство того журналиста. И уже на обратном пути в Берлин мне доложили, что некто купил билет на «Унди́ну» – на мое имя и имя моей жены. Разве мог я это оставить?

– Как быстро вы сработали... – подивилась я. И снова напрыглась: – Или «Унди́на» не простой пароход? Оттого вы отслеживали ее пассажиров?

И в этот раз четко отметила, что муж говорит уклончиво:

– «Унди́на» не простой пароход. Ни тебе, ни детям здесь находиться нельзя – совершенно нельзя! Однако остановка будет лишь в Гельсингфорсе, не раньше. Я пытался настоять,

но... немецкие власти не пошли мне на встречу. Если пароход зайдет в неурочный порт, или кто-то покинет его раньше времени – это кое-кого спугнет.

– Кого?

– Если б я знал...

Едва ли муж лгал на этот раз. Я признала очевидное:

– Зато этот немец наверняка знает.

– Вероятно, что да. Придется с ним потолковать.

– Быть может, зайдешь позже? Или утром... Софи ужасно по тебе скучает.

Муж тепло улыбнулся:

– Скажи Софи, что я скучаю по ней больше. Не уверен, что получится заглянуть. Эти четверо будут под замком до самого конца плавания, не сомневайся! Однако нам по-прежнему нужно быть осторожными. На этом пароходе далеко не все так доброжелательны, как стараются показать, а потому не следует доверяться всецело каждому встречному и говорить лишнее. И уж точно не стоит ввязываться в глупые споры.

Последнее муж сказал с особенным нажимом, и я устыдилась.

– Постараюсь более не ввязываться в споры – если их никто не будет затевать, – едко пообещала я. И нахмурилась: – а как же Вальц?

– Что – Вальц?

– Я и ему не могу доверять всецело? Разве он не с тобою?

– Он со мною. Лишь благодаря обер-лейтенанту Вальцу удалось так скоро организовать все. И ему ты, разумеется, можешь доверять. – Он сжал мои плечи чуть сильнее. – Только помни, что Вальц – немец и верный слуга Германской империи.

Я кивнула. Конечно, могла бы и не уточнять: друзей у нас на этом пароходе нет. Право, мне иногда думается, что у нас уже нигде нет друзей.

* * *

На прощание я еще раз горячо поцеловала мужа, шепнула, что рада буду его увидеть, когда он освободится, и тихонько выскользнула на палубу.

Стемнело теперь уж окончательно.

С Борнхольмом мы так до сих пор и не поравнялись: остров лишь стал казаться крупнее и еще более мрачным, подернутым дымкой тумана. Ночью сильно похолодало, да и, видно, наскучило пассажирам ждать. Все разошлись уж по каютам, гостиным и курительным салонам. Очень негромко, но играл еще оркестр.

Кутаясь в жакет, я скоро шагала ко входу в первый класс. И едва подумала, что не надо бы, чтоб кто-то меня заметил, как на палубе, шагах в двадцати, увидела даму в белом воздушном одеянии и широкополой шляпе с алой подбивкой. Сей же миг узнала в ней Жанну Гроссо. И прежде чем даже подумала хорошенько, сочла за лучшее скрыться с ее глаз. Очень уж легко мадам Гроссо одета для ночных прогулок –

вот-вот должна вернуться обратно.

И все-таки зачем она вышла? Да еще и одна...

Я пряталась за лестницей, что вела на верхний ярус, и, чуть наклонив голову, решила выглянуть из укрытия. Мадам Гроссо зябко обнимала себя за плечи, но стояла, притаившись возле одной из спасательных шлюпок, и уходит почему-то не спешила.

А потом откуда не возьмись, из темноты к ней приблизился мужчина. Прежде чем она его увидела даже, проворно скинул пальто и набросил ей на плечи, оставшись лишь в клетчатом твидовом костюме. Лицо его от меня загораживала широкополая шляпа мадам Гроссо.

Говорили они долго. Я уж начала замерзать и вот-вот готовилась выйти из своего укрытия – ничего особенного они обо мне не подумают! Правда, чем дольше ждала, тем громче и возбужденнее становился их разговор. Порой до меня даже долетали отдельные фразы на французском, выкрикнутые высоким, взвинченным голосом Жанны:

– Нет! Этому не бывать никогда!

Но мужчина был настойчив. И я уж подумала, не стоит ли вмешаться – когда, резко от нее отойдя, он широким шагом направился прочь. Даже пальто свое не забрал.

Ушел он в обратную от меня сторону, так что лица я опять не увидела. Но из укрытия все-таки вышла. Несмело направилась к мадам Гроссо.

В холодной ночной тишине явственно слышались ее

всхлипы и сбивчивой дыхание. Я все еще не знала, уместно ли подойти и сказать что-то – но она вдруг увидела меня сама. Тот час прекратила плакать, быстро утерла слезы, резко, но гордо отвернулась.

– Морские прогулки располагают к сентиментальности, – участливо заметила я. – У меня самой нынче глаза весь день на мокром месте.

– Вам-то отчего плакать? У вас прелестные детки и муж, который в вас души не чает.

Какое странное заявление для известной актрисы, любимицы публики и мужчин... Мадам Гроссо всхлипнула в последний раз и друг поинтересовалась небрежно:

– Смею я надеяться, что вы не станете сплетничать о том, что видели?

– Давно уже оставила эту скверную привычку – сплетничать. В конце концов, у нас у всех свои тайны, как и свои поводы для слез. Проводить вас в гостиную?

– Нет. А впрочем, идемте: мне наскучило стоять на ветру.

Мадам Гроссо, замешкавшись ненадолго, вдруг передернула плечами, скидывая мужское пальто прямо на палубу. Хмыкнула своим каким-то мыслям и, не оглянувшись, направилась к первому классу.

Уже на лестнице снова ко мне обратилась:

– Мадам Дюбуа, буду рада, если вы присоединитесь за завтраком к нашему столику. И вы, и детки, и месье Дюбуа, разумеется. Завтра мы, наконец, поравняемся с островом, и

месяце Муратов обещал рассказать о нем какую-то невероятную историю. Буду вас ждать.

Я прохладно пообещала воспользоваться приглашением и осталась думать, где мадам Гроссо успела увидеть моих детей и мужа. И, кстати, которого из них.

Глава 5

5 июня, 09 часов 35 минут

*Балтика, территориальные воды острова Борнхольм,
Датское королевство*

Вблизи датский остров Борнхольм оказался еще более мрачным, чем издалека. Совершенно голый, сплошь сотканный из серых дымчатых скал – если не считать деревушку с маяком, оставшуюся уже позади. Хотелось бы поскорее покинуть это неприятное место, но капитан парохода нарочно сбросил скорость до пяти узлов, о чем и объявили за завтраком.

Завтрак проходил в кафе, носящем куда более немецкое название, чем ресторан – «Белый гусь». Немцы считали это забавным. Обстановка здесь тоже была скромнее: плетеная мебель, столики, покрытые клетчатыми скатертями, и пучки из засушенных полевых цветов в центре каждого. Все испукал вид из огромных витражных окон – превосходный вид на утреннее море и проплывающий мимо остров. Покоренные пейзажем, пассажиры, окончив завтрак, спешили устроиться на шезлонгах, выставленных на палубе.

Присоединились ко всем и мы с дочкой. Бланш с малышом Андре прогуливались неподалеку – из виду я старалась их не упускать.

– Мамочка, там живут призраки? – страшным шепотом

спросила Софи, с рассвета мечтающая увидеть остров.

Чем-чем, но характером Софи точно пошла не в меня: воображением она обладала таким, что я диву давалась.

– Призраков не бывает, крошка... – заметила я, но негромкий мой ответ утонул в звучном, хорошо поставленном голосе мадам Гроссо.

Воспользовавшись приглашением, мы завтракали в ее компании – вместе с мисс Райс и мистером Макгроу. Месье Муратов тоже должен был присоединиться, однако, как личность творческая, завтрак он благополучно проспал.

– Какое прелестное дитя! – смеясь, воскликнула мадам Гроссо и поманила мою дочь к себе. – Отчего вы решили, прелестная мадемуазель, что на острове живут призраки?

Софи бросила опасливый взгляд на компаньонку актрисы мисс Аурелию и отчего-то не решилась подойти. Темнокожих людей Софи видела: в Европе не часто, но они встречаются в услужении у тех, кто любит экзотику. Однако столь колоритные дамы, пожалуй, нам еще не попадались.

Возраст ее я определить не смогла: с легкостью женщине могло быть, как двадцать пять, так и сорок. Одета в красное и желтое, с пышной широкой юбкой и алым тюрбаном на голове. Уши ее украшали массивные серьги, а шею длинное ожерелье, в самом центре которого болтался миниатюрный череп из дымчатого голубого камня. Кофейного оттенка кожа с алыми, красиво очерченными губами, и подведенные глаза. Ева правду сказала, глаза ее, угольно-черные, глядя-

щие в самую душу. Неприятные. Добавить к этому высокий – со среднего мужчину – рост и по-настоящему царственную посадку головы. Пожалуй, если кто и затмевал французскую актрису на пароходе, так это ее компаньонка.

Я не настаивала, но, поборов себя, Софи сделала шагок к мадам Гроссо, за спинкой шезлонга которой и стояла мисс Аурелия.

– Там темно и много тумана, – степенно ответила Софи на вопрос. – Известно же, там где темно и туман – там призраки.

Все, включая даже несносного американца, немедленно умилились. Кроме темнокожей Аурелии. Для любой матери тот, кто не умиляется их детям – уже кандидат в недруги. Тем более что компаньонка, вдруг наклонилась к хозяйке и, глядя своими неприятными глазами на мою дочь, сказала что-то.

Брови мадам Гроссо взлетели – она изумленно поглядела сперва на Софи, а потом и на меня. Не верю в чертовщину и магию – всем сердцем не верю. Но происходящее мне совершенно точно не нравилось.

Я бы вовсе отозвала дочь, но мадам Гроссо, будто почуяв мое желание, вдруг невесомо взмахнула рукой:

– Пойди прогуляйся, Аурелия, ты пугаешь прелестную крошку. Как вас зовут, юная мадемуазель?

– Софи Дюбуа, мадам, – малышка изобразила вполне приличный реверанс. – Но мне больше нравится, как меня зовет папочка. Соня.

Я прикусила язык. Утром, покуда собирались, я уговорила Софи не бросаться к отцу, как только его увидит, а вовсе притвориться, будто они не знакомы. Сказала, что это игра. Но вот с именем... я тысячу раз просила мужа не называть так Софи!

– Соня – какая прелесть! – снова умилилась мадам Гроссо. И спросила уже у меня, выбивая из-под ног почву: – ваш муж симпатизирует русским, мадам Дюбуа?

– Ее муж едет в Россию договариваться о союзе – конечно, он симпатизирует русским... – фыркнул в сторону американец Макгроу.

– Это правда? – простодушно поинтересовалась актриса – снова у меня.

А что я? Я смогла лишь пожать плечами и не без едкости заметить:

– Что тут скажешь? По-видимому, мистер Макгроу лучше меня знает, куда и зачем едет мой муж. Поскольку мне такие подробности не известны.

Как бы там ни было, с щекотливой темы удалось соскользнуть. Переключившись, правда, на тему не менее щекотливую. И снова ее подняла мадам Гроссо:

– К слову, где же ваш супруг, мадам Дюбуа? С самого утра его не вижу.

– Месье Дюбуа нездоровится, – мягко улыбнулась я. – Нынче он остался в каюте и просил за него извиниться.

Софи поглядела на меня изумленно, но промолчала. А

мисс Райс вздохнула:

– Морская болезнь? Как я понимаю вашего мужа, Лили. Впрочем, мне сегодня получше, а к вечеру, должно быть, и месье Дюбуа оправится.

– Увы, не думаю...

Я очень старалась сделать расстроенное лицо, но едва ли у меня получилось. Актриса из меня никакая.

– Страдаете морской болезнью, мисс Райс? Вы что-то совсем не похожи на ирландку, – вдруг заметил американец, с хитрецою прищурившись. – Ваша нация, как англичане, на море себя должны чувствовать лучше, чем на суше!

Ева в долгу не осталась:

– Уж не знаю, как мои предки, но я терпеть не могу море. И волосы у меня не рыжие. И своих недругов, вместо ледяного презрения, я скорее оболью ледяной водою, будьте уверены.

– Хотя бы не горячим чаем! – рассмеялся Макгроу. – Вы очаровательны, мисс Райс, люблю женщин с характером!

После, видимо пресытившись разговором, Макгроу оттолкнулся от ограждения палубы и покинул нашу компанию. А проходя мимо моей дочери, вдруг наклонился и вручил ей засушенную фиалку, похищенную из кафе.

Так что никто кроме Софи его уходу не огорчился.

Но сразу стало тихо и немного скучно – да и мрачные скалы слева по борту (возможно с призраками) веселью не способствовали. Почуввав это, мадам Гроссо, немедленно рас-

строилась:

– Ева, своими выходками ты выгнала единственного мужчину из нашей компании! Ты же знаешь, когда рядом нет мужчин, я становлюсь несносной и впадаю в меланхолию!

– Было бы о ком сокрушаться, – фыркнула Ева. – Интересных мужчин на этом пароходе все равно нет.

– Даже месье Муратов? – наивно заметила я.

Но Ева только рассеянно пожала плечами, оглядывая пароход с нашей высокой палубы.

– Вон тот господин у борта, с папиросою и в песочной тройке – мы с ним, кажется, еще не знакомы, – наконец, заметила она кого-то. И улыбнулась: – Жанна, он на вас смотрит. Как и все прочие, пал ниц перед вашим очарованием. Похож на итальянца, по-моему.

Мадам Гроссо царственно повернула голову, смерив господина холодным взглядом. Тот немедленно приподнял шляпу и изобразил поклон – а Жанна хмыкнула и отвернулась:

– С чего ты взяла, что он итальянец?

– Похож. Я люблю итальянцев, они горячи и щедры на комплименты. А еще у них шикарные профили: брови, нос, подбородок – ммм...

– Ева, держи себя в руках, – мягко упрекнула мадам Гроссо, – здесь ребенок. И ты смущаешь нашу гостью.

Но та отмахнулась:

– Ребенок высматривает призраков на острове – малышке

не до нас. А Лили не какая-нибудь деревенская простушка, ее так просто не смутишь. – И подмигнула мне. – Представьте себе, Жанна, Лили приглянулся наш обер-лейтенант.

– Тот самый красавчик?

– Тот самый красавчик.

– Мадам Дюбуа, у вас прекрасный вкус, – похвалила актриса.

Если насчет Софи Ева была права: дочка наш разговор и правда не слушала, то насчет меня немного ошибалась. Я чувствовала себя неловко – самую малость. Ибо женщин, любящих посплетничать, в моем окружении давненько уже не бывало. Тем более что сплетничали они на темы весьма фривольные.

– Ничего подобного... – отозвалась я, стараясь не казаться деревенской простушкой. Но потом вздохнула и признала – исключительно, чтобы порадовать этих сплетниц. – Но конечно обер-лейтенант Вальц весьма хорош собой – с этим не поспоришь.

– С этим даже фрау Кох не поспорит! – поддержала мадам Гроссо.

– Нет-нет, фрау Кох с этим *тем более* не поспорит! – рассмеялась Ева. И снова обратила наше внимание на курящего поодаль господина. – Этот итальянец похож на *mafiusi* откуда-нибудь из Сицилии – я их именно так себе и представляла!

– На кого похож? – не поняла я.

– Мафиози – те, кто входит в мафию, – охотно пояснила Ева. – Так на Сицилии называют жестоких бандитов. Говорят, сейчас они массово перебираются в Новый свет.

– А в Санкт-Петербург ему зачем? – со скепсисом поинтересовалась я.

Ева уже набрала в легкие воздуха, чтобы высказать смелое предположение – но мадам Гроссо смирила ее пыл:

– Какая чушь, Ева. Тебе бы романы писать на пару с твоим русским другом. Кстати, где месье Муратов? Неужто тоже мучается морской болезнью?

Пожав плечами, Ева принялась крутить головой, и вскоре действительно увидела потомка русских графов, которого, не сомневаясь ни секунды, звучно окликнула.

Тот не замедлил явиться. Господин Нойман, стюард, попытался было не позволить ему подняться на палубу первого класса, но, повинувшись жесту мадам Гроссо, конечно впустил.

– Ну что ж, месье Муратов, – актриса охотно позволила ему поцеловать свою ручку. – Раз вы один нам попались, то вам нас и развлекать. Расскажите что-нибудь занятное, милый, вы наверняка знаете тысячу историй.

– О чем же вам рассказать?

– Да хотя бы об острове, который все никак не закончится. Вы нам обещали! Что за деревушка на нем стоит? И ответьте уже, наконец, есть там призраки или нет?!

Мадам Гроссо говорила со смехом, наверное увидев, что Софи снова подошла ко мне и на русского господина взирает

с большим любопытством.

– Что касается призраков – не имею ни малейшего понятия... – предсказуемо отозвался Муратов. – Зато кое-что читал о нем – в переводах у русского писателя.

– У кого же? – удивилась я.

– У Николая Карамзина, – со страшным акцентом выговорил Муратов, – он очень, очень популярен в России.

– Хм, занятно, – молвила мадам Гроссо, – не думала, что Карамзин писал что-то, кроме очерков об истории государства Российского да сентиментальной повести о бедной Лизе. Помнишь, Ева, как мы ставили «Бедную Лизу» в позапрошлом сезоне?

– Помню, – поморщилась Ева, – скучная и предсказуемая ерунда, в которой главная героиня еще и умирает. Полный провал.

– Жизнь вообще скучна, предсказуема и заканчивается смертью, моя маленькая глупая Ева. А повесть весьма поучительна. Так что еще написал господин Карамзин?

Жанна пристроила новую папироску в свой мундштук, а месье Муратов поторопился поднести спичку.

Принялся рассказывать:

– Вы правы, мадам Гроссо, но кроме сентиментальных повестей Карамзин писал самую настоящую готику. В начале века, замечу, эпистолярный готический роман был на пике моды: мисс Мэри Шелли и ее «Франкенштейн», лорд Байрон со своим прославленным типажом героя... Вот и господин

Карамзин написал подобное. Роман о юноше, который долго путешествовал по миру и, наконец, возвращается на родину – в Россию. По пути он слышит печальную песню о девушке по имени, к слову сказать – Лиля, – Муратов поклонился мне, – которая, по всей вероятности, сгинула где-то на загадочном острове Борнхольм...

Малышка Софи ахнула и в ужасе оглянулась на серые скалы.

– Да-да, юная мадемуазель, – подтвердил ее догадку Муратов, – на этом самом острове.

– И юноша отправился на остров, чтобы найти Лилу? – страшным шепотом уточнила Софи.

– Не совсем. Он ненамеренно оказался близ острова, однако никак не мог забыть печальной песни, а позже судьба заставила его пароход, как и нашу «Унди́ну», плыть мимо острова Борнхольм. Капитан позволил ему сойти, и юноша провел целую ночь в мрачном и загадочном замке на острове, а мудрый старик, хозяин замка, рассказывал историю острова и среди прочего упомянул, что древние жители Борнхольма – славяне.

– Это правда? – со скепсисом спросила Ева.

– Сомнительно... однако все может быть: Карамзин – историк, как вы знаете. Он мог и правда найти какие-то сведения в древних книгах.⁵

⁵ Есть версия, что прототипом острова Буян из «Сказки о царе Салтане» А.С.Пушкина, был именно датский остров Борнхольм

Мадам Гроссо Муратову благосклонно улыбнулась и даже как будто посмотрела на него по-новому. В равнодушном до того взгляде мелькнула хитринка, как у юной флиртующей девушки.

– Не думала, будто вы и правда меня развлечете, – сказала она обманчиво мягким голосом. – Но история оказалась занятной. Так что же Лила? Наш герой отыскал ее?

– Отыскал. В темнице за замком, слабую и умирающую, – Муратов, извиняясь за Лилу, развел руками.

– Какой ужас! – мадам Гроссо выпустила струю дыма и развернулась на шезлонге, чтобы принять соблазнительную позу.

Вряд ли она видела, как мрачнеет при этом и без того вечно мрачная Ева...

– За что же ее осудили? – снова спросила актриса.

– О, это интереснейший момент всей повести! Дело в том...

Я бы тоже с удовольствием послушала, чем кончилась повесть, но в этот момент голос стюарда Коля невольно перебил рассказ:

– Мадам Дюбуа! Вам письмо – только что просили передать.

– От папы? – обрадовалась малышка Софи.

– Нет... – не стала лгать я.

Не стала – но лучше б солгала. Потому что Ева, которую я так опрометчиво пожалела, с обычным своим сарказмом

поинтересовалась:

– Не уж-то от бравого обер-лейтенанта цур зее?!

Чем смутила меня невероятно.

– Ева! – шикнула мадам Гроссо и многозначительно скосила глаза на лицо стюарда.

Благо, тот оставался невозмутим.

– Мне нужно идти, простите... – В записке меня просили о срочной встрече, и, боюсь, это действительно было важно. – Софи, тебе придется вернуться в каюту.

– Нет-нет, мы присмотрим за девочкой, мадам Дюбуа! – воспротивилась актриса. – В такой хороший день сидеть взаперти – ужасно!

И Софи глядела на меня огромными синими глазами, умоляя прислушаться.

Я поколебалась недолго. Вряд ли дочь могла выдать нас больше, чем уже выдала: всей правды Софи просто не знала. И все же нельзя оставлять ребенка с этими сплетницами. Ева совсем не следила за языком, а мадам Гроссо мертвого разговорит, не то что пятилетнюю наивную девочку.

Актрисе я любезно улыбнулась:

– Благодарю, мадам Гроссо, но все же не хочу обременять вас. Из каюты есть выход на прекрасную отдельную хоть и небольшую палубу – наверняка у вас такой же. Софи прекрасно проведет время, уверяю вас.

Та не особенно настаивала.

Через минуту я поручила дочку заботам Бланш, которая

прогуливалась с Андре на одной из нижних палуб. Девушка выглядела задумчивой и печальной, но хотя бы не принималась плакать то и дело. О том, что более мы не пленницы, я, разумеется, в общих чертах ей рассказала – и все же лишним было ждать, что она немедленно станет веселой.

– У вас все хорошо, Бланш? – искренне спросила я. – Вам удобно во втором классе?

– Все прекрасно, мадам, – покорно отозвалась та и присела, чтобы поправить курточку у Андре.

Я вздохнула. Наша няня определенно догадывалась, что ничего еще не кончено. Бланш умная девушка. Как бы там ни было, я попрощалась с детьми, а напоследок строго посмотрела на дочь и предупредила:

– Не шали!

Последнее замечание было не лишним. Софи умела казаться паинькой, но иной раз могла вытворить такое, чем даже любимого папочку, вечно ей потакающего, ставила в тупик. Достойная дочь своего отца!

А после я поторопилась в условленное место – в кормовую часть, где действительно дожидался меня обер-лейтенант Вальц.

Глава 6

5 июня, 11 часов 40 минут

*Балтика, территориальные воды острова Борнхольм,
Датское королевство*

– «Ундина» первое судно в германском флоте – да и вообще в Европе – которое лишено парусного оснащения. Представьте себе только, мадам Дюбуа!

Обер-лейтенант цур зее Герман Вальц сел на любимого конька. Действительно ли он был морским офицером, или только играл его роль – море его в самом деле волновало.

– Двигется лишь благодаря паровым котлам и двум винтам... а впрочем, отсюда их не разглядишь.

Это было правдой. Сколько не перегибалась я за борт, никаких винтов не увидела. Только белые барашки, что вздымались из-под брюха парохода, доказывали, что винты все же были.

Смотреть туда, за борт, в мутную беспокойную воду мне было отчего-то неприятно – тревожно. Я предпочитала оглядываться на палубе. Ждала, что, может, явится на странную эту встречу и мой муж. С ним бы я наверняка чувствовала себя спокойней.

Но надежды мои разбил Вальц, сказав прямо, наконец:

– Мне жаль, мадам Дюбуа, но месье Дюбуа к нам в этот раз не присоединится. Беседа... с нашим общим знакомым

задержала его. Однако будьте уверены, месье Дюбуа сам поручил мне ввести вас в курс дела. Вы можете мне полностью довериться, Лили.

Дополнил свою речь лейтенант Вальц тем, что с теплотою пожал мою руку и весьма проникновенно поглядел в глаза. Мне это совершенно точно не нравилось. Да и вообще, жизнь научила, что как раз тем, кто так настойчиво просит довериться – верить следует меньше всего.

Однако Вальц вызывал скорее неясную тревогу, чем неприязнь или страх. У меня не было однозначного ответа, как на его внимание реагировать. А потом решила, что он ничем не лучше прочих докучливых волокит. Тогда я спокойно вытянула руку из его ладони и с холодком спросила:

– У вас какое-то дело ко мне, господин обер-лейтенант?

Тот все понял правильно. Убрал руки за спину и даже чуть отстранился:

– Вы мне не верите, – печально констатировал он. – Что ж, разговор действительно предстоит деловой. Я должен услышать, что именно говорил вам Эрих Шефер.

– Эрих Шефер?

– Он не назвался? Это настоящее имя господина, что так вероломно ворвался в ваш дом. Хотя, что значит вероломно... Мадам Дюбуа, Шефер – представитель берлинской полиции, начальник отделения. И у него на самом деле имеется ордер на ваш арест. Причина, указанная в нем: подкуп должностного лица и подделка документов.

– О... – только и сумела вымолвить я. И сочла нужным заверить: – я ничего подобного не делала. Подкуп должностного лица... зачем мне это?

Вальц поспешил кивнуть:

– Может, это и опрометчиво, но я вам верю. Полагаю, причина ареста не важна – она лишь повод арестовать вас и силой привести на «Ундину».

Все упиралось в этот пароход, который я потихоньку уже начинала ненавидеть...

– Почему именно на «Ундину»? – ровно спросила я. – Что в ней особенного?

– Позже, мадам Дюбуа. Прежде расскажите все, что слышали от Эриха Шефера.

– Я слышала не так уж много, – пожала я плечами. – Лишь раз он упомянул некоего Химика: якобы у месье Дюбуа, моего настоящего мужа, встреча с этим Химиком здесь, на пароходе. Но это заблуждение, муж бы сказал мне.

Вальц прищурился с подозрением:

– Вы так в нем уверены? У месье Дюбуа ответственная должность, он не имеет морального права делиться с вами всем, что происходит на его службе. Ради вашей же безопасности, к слову.

Я отвела взгляд к мутному беспокойному морю. Свела брови над переносицей. Помнится, то же самое – слово в слово буквально – говорил мне когда-то муж. И поступал он так, как считает нужным, не особенно со мной считаясь и

посмеиваясь над моими советами. Покуда эти его решения не довели до большой беды, в результате чего мы и оказались здесь. Не на пароходе – но в Париже, а потом и в Берлине. Но прежде всего был поезд, идущий из Санкт-Петербурга на Варшаву...

Тогда шел первый год моего замужества. Покорным характером я не отличалась никогда, а муж и вовсе славился нравом буйным, властным и невыносимым.

– Его можно или любить таким, каков он есть, или прибить – третьего не дано, – сказал о нем когда-то его же лучший друг – а меня, дурочку, это почему-то не насторожило.

Непросто нам было вместе. Минуты неземного блаженства сменялись пылкими ссорами, а полное единодушие – пропастью столь холодной и бескрайней, что я, порой, не понимала, зачем мы вообще поженились. Мы любили друг друга, действительно любили и поводов для ревности не давали... но для хорошего брака этого оказалось ничтожно мало. В тот поезд я села против его воли. Муж знал уже, куда и для чего едет, понимал все риски и не хотел брать меня с собой. И все же был рад, что я его послушалась.

Мы целовались в дверях вагона, едва ли не у всех на виду, а ночью... Нет, ничего особенно страстного (в этом плане были у нас ночи и получше), потому что тогда я уже носила под сердцем Софи, и беременность протекала не очень-то гладко. И все же это была одна из самых нежных и незабываемых ночей в моей жизни. Близость, которая простым

пылким влюбленным и не снилась.

И, будто в противовес: к обеду следующего дня мы поссорились так, как не ссорились никогда прежде. С сухими, не видящими ничего глазами, я шла тогда по проходу вагона, чтобы сойти на первой же станции и никогда – клянусь, никогда – не возвращаться к этому мужчине. И тогда-то он меня остановил. Тогда-то сказал те слова, поклялся, что не сделает более ничего важного, не примет ни одного веского решения, не посоветовавшись со мной.

Я поверила.

Было это шесть лет назад и, вынуждена признать, слова своего он за эти годы не нарушил.

Не скажу, с того дня пошло у нас все как по маслу, однако недомолвок стало куда меньше, а они, как выяснилось, камнем преткновения и были. Занятно, но когда вместо «я» и «он» есть только одно-единственное «мы», то причин для ссор как будто становится меньше. Так что ссорились мы теперь меж собой, а чаще всего с кем-то.

Сейчас, всматриваясь в прищуренные, с хитрецей, темные глаза лейтенанта Вальца, я размышляла, тот ли это человек, с которым муж захотел бы поссориться. И насколько откровенен с ним был. Думаю, достаточно откровенен. Поскольку Вальц явно умен, не чета Шеферу. Велика вероятность, что он и сам неплохо знает то, о чем спрашивает.

– Да, я верю мужу, – искренне ответила я. И с чуть наигранной печалью добавила: – что мне еще остается?

– Зачем месье Дюбуа поехал в Кронштадт? Это было приказом из Парижа?

На этот раз я улыбнулась не без сарказма:

– Так это все же допрос? Что ж... полагаю, вы знаете, что российский министр иностранных дел уже несколько месяцев ведет переговоры с правительством Сади Карно⁶?

Вальц, впившись в меня глазами, едва заметно кивнул.

– Союз – если он состоится – удивит всю Европу, господин Вальц, нехорошо удивит. Настолько, что некоторые страны, в частности Британия и Германия, наверняка постараются этому воспрепятствовать. А в начале июня в Париж пришли сведения, что один наш агент, напрямую поставляющий сведения из России во Францию, найден убитым в Кронштадте. Убит он тихо и без шума, как если бы убийцы были профессионалами. Русские службы, разумеется, немедленно начали расследование... а мой муж отправился в Кронштадт, чтобы выяснить, что именно им стало известно, и стоит ли Парижу беспокоиться. Однако о результатах расследования вам, господин Вальц, наверняка известно больше, чем мне.

– Известно, – не стал отрицать Вальц.

Мимолетно, но по лицу его пробежала тень разочарования. Верно, все, что поведала я ему, он уже слышал от моего мужа.

– Известно, – продолжил он, – но мне совершенно не хочется быть тем, кто принесет дурные вести такой прелестной

⁶ Президент Франции (1887-1894 гг.)

женщине, как вы. Пусть это лучше сделает сам месье Дюбуа.

Я была не против. Поторопилась спросить:

– Я увижусь с ним?

– Разумеется. А пока вам лучше спуститься в вашу каюту.

Я кивнула нехотя. Мелькнуло беспокойство, что с мужем мне увидаться не позволят, и что я до сих пор остаюсь пленницей.

– А... этот господин, Эрх Шефер?..

– Не беспокойтесь о нем, мадам Дюбуа, – заверил Вальц. – Возможно, мне аукнется это решение: все же господин Шефер должностное лицо при исполнении обязанностей. Но ни он, ни его команда вас более не побеспокоят. Какова бы ни была цель, шантажировать мать детьми – последнее дело, и господину Шеферу это с рук не сойдет, будьте уверены.

Я благодарно кивнула, а после обер-лейтенант Вальц откланялся. Я же несмело побрела ко входу в первый класс под свои, увы, невеселые мысли. Безусловно, я рада, что этот подлец Шефер под замком, и до конца плавания меня не беспокоит. Но сам факт, что берлинская полиция одобрила мой арест... пусть даже и по надуманному безосновательному предлогу – меня бросало в дрожь при этой мысли. Неужто мы где-то прокололись? Пусть нас пока не раскрыли, но взяли под подозрение – неужто?

Датский остров Борнхольм остался далеко позади, пароход снова прибавил ходу, и теперь нас окружало только бескрайнее море. Полагаясь лишь на память, я знала, что слева

по борту должны быть шведские земли, а справа – и я как будто даже видела серые крепостные стены вдали – немецкий Данциг. За ним же – Царство Польское, Курляндское, а там и Петербург. Далеко-далеко, так далеко, что я и вообразить себе не могла. И все же ближе, чем был еще вчера.

Впервые я подумала тогда, что, может, все к лучшему? Что, если нам позволят остаться?

* * *

5 июня, 12 часов 30 минут, Балтика, открытое море

Убедившись, что няни с детьми нигде нет, я собралась было и впрямь спуститься в каюту, но меня окликнула мадам Гроссо. Они с Евой все еще принимали солнечные ванны на верхней палубе, где я их и оставила. Подумав, я решила задержаться еще ненадолго.

– Девочка ваша – само очарование, мадам Дюбуа. Во сколько Софи укладывается спать? – первым делом спросила актриса.

– Ровно в половине десятого, – пожала я плечами, еще не понимая, к чему она клонит.

– Превосходно! Ничего не планируйте на вечер: отужинаете в нашей компании, а после, как малыши уснут, непременно жду вас с месье Дюбуа в своей гостиной. Аурелия устроит сеанс...

– Сеанса не будет, – сказала, как отрезала Аурелия. – Нет хорошей жертвы, нет белого петуха.

Американцы Нового Орлеана, и креолы особенно, гово-

рили чаще на французском. Говорила на нем и Аурелия. Темнокожая компаньонка сидела здесь же: задрав выше колен пеструю юбку, она вытянула длинные стройные ноги без чулок, подставляя их июньскому солнцу. Черными своими неприятными глазами она смотрела куда-то за горизонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.